АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

НЕТЛЕННЫЙ

На основе реальных событий,
случившихся в Музее мировой погребальной культуры
и рассказанных его создателем С.Б.Якушиным

Александр Тамоников

Нетленный

«Эксмо»
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Нетленный / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097239-5

В шестидесятые годы в Сибири было обнаружено древнейшее захоронение человека. Тело по прошествии многих веков осталось нетленным благодаря уникальному, неизвестному науке составу раствора. Раскопки засекретили… Спустя полвека тайна бальзамирования заинтересовала директора Музея погребальной культуры Сергея Якушина. На поиски артефактов отправилась научная экспедиция во главе с руководителем детективного агентства Никитой Ветровым. Все шло по плану до тех пор, пока специалисты не достигли места раскопок. Здесь связь с экспедицией неожиданно пропала…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097239-5

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 13
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Александр Тамоников
Нетленный

© Тамоников А.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава первая

Разговор не складывался. Молчание Варвары в телефонной трубке становилось грубым и агрессивным. Она сопела – как-то чревато, и я зримо чувствовал, как сжимается и разжимается маленький, но очень подвижный кулачок.

– Варвара Ильинична, простите меня, пожалуйста, – выдавил я через «не могу», «не хочу» и прочие преграды. – Возможно, я был неправ. Не могли бы вы вновь собрать свои вещи и вернуться в мою квартиру? Я очень скучаю, поверьте…

Это была кристальная, выстраданная правда. Жизнь без этой взбалмошной, временами совершенно невыносимой особы становилась не в радость. Мне ее катастрофически не хватало. Я не чувствовал себя виноватым, но готов был каяться, извиняться и вымаливать прощение.

– Я вернусь, и ты мне все простишь, Никита Андреевич? – ядовито осведомилась Варвара, у которой сегодня явно прихрамывала логика. Хотя, возможно, госпожа парапсихолог просто не слышала, что я сказал до этого, шлифуя планы безжалостного удара. – Послушайте, господин бездарный частный детектив, – с холодком продолжала Варвара, – я уже неоднократно просила оставить меня в покое, но вы не можете успокоиться. Да, я допустила ошибку, переехав к вам, я даже стала привыкать к навязанному вами так называемому «порядку и педантичности», я многое готова была стерпеть, Никита Андреевич, даже то, что ваши представления о порядке плохо согласуются с понятием «чистота». Однако то неутешительное, что я узнала о ваших умственных способностях…

– Ну да, дурак. – Я продолжал сохранять миролюбивый тон. – Но, во-первых, Варвара Ильинична, то, что произошло, не имеет отношения к моим умственным способностям. Во-вторых, я поступил правильно. В-третьих, кто бы заметил вас, умных, если бы не мы – дураки?

Последнюю часть тирады я мог бы опустить – она не добавила гармонии нашим пошатнувшимся отношениям. Варвару снова понесло. Я и так в последнее время узнал о себе много нового, а сегодня копилка знаний существенно пополнилась. Я давно подозревал, что моя возлюбленная, обладающая рядом парапсихических способностей, произошла не от Евы, как все нормальные женщины, а от Лилит – праматери всех ведьм. Ведь поначалу именно ее Создатель назначил женой Адама! Он явно ошибся, боги тоже ошибаются. Созданная по образу и подобию Бога, особа вышла резкой, вольнолюбивой и своенравной. Первая феминистка на свете – хотела быть равной Адаму. Последнему это резко не понравилось, он попросил заменить изделие, непригодное к эксплуатации. Бог прислушался к мнению мужчины, изгнал Лилит из рая, а Адам получил новую жену – изделие из ребра вышло куда продуманнее и «эргономичнее». Оскорбленная же Лилит долго скиталась по свету – от нее и пошли злые колдуньи и прочие ведьмаки…

Терпение лопнуло – я тоже человек. Мы наговорили друг другу кучу обидных глупостей, она обозвала меня «дрянным детективишкой», я ее – «безмозглой госпожой архивариус», и именно это почему-то ее зацепило.

– Я не архивариус, дорогой, – процедила Варвара. – Я – архивист, чтобы ты знал.

Ну, да, это все меняет. В свободное от путешествий по тонким мирам время Варвара работала в архивном отделе государственной публичной библиотеки и очень этим гордилась.

– Да, конечно, – согласился я, – слово «архивариус» звучит глупо. Архивист – куда лучше.

– Ну, и зачем ты мне звонишь? – окончательно разозлилась Варвара. – Хочешь сделать еще хуже – самовлюбленное, эгоистическое и жестокое существо!

Я зажмурился. Надеюсь, она не собиралась превратить меня в свинью – как это сделала Цирцея со спутниками Одиссея?

– Все, отстань, – отрезала Варвара. – Мне некогда. Я сходила на базар, купила говяжьи косточки и буду варить суп.

– И зачем ты мне об этом рассказываешь? – осторожно спросил я.

– А затем, что там хотя бы мозги есть! – выпалила Варвара и бросила трубку.

Я тоже выключил аппарат и от души ругнулся:

– Вот ведьма…

Но не успел швырнуть его в щель между диванными подушками, как он снова ожил. Звонила Варвара.

– Хочу сообщить тебе, дорогой, – произнесла она, сочась ядом, – настоящее зло – это не ведьмовство. А простые человеческие пороки – глупость, тщеславие, самовлюбленность и безразличие к окружающим, – и после этого уже окончательно выключила трубку.

Я изумленно уставился на замолчавший телефон. Волосы зашевелились на макушке. Мистику – в жизнь, товарищи? Я помотал головой, освобождаясь от липкого наваждения, бросил телефон в щель между подушками, чтобы глаза не мозолил…

Настроение в этот солнечный день застыло на нулевой отметке. Лето в Новосибирске шло своим чередом. Полтора месяца назад судьба свела меня с Сергеем Борисовичем Якушиным и его музеем мировой погребальной культуры. Дело Марии Архиповны Власовой, скончавшейся больше века назад, понемногу забывалось, но иногда напоминало о себе странными снами и яркими образами. Я начинал успокаиваться, возвращался здравый смысл, и временами становилось стыдно – неужели я поверил в эту чушь? Наука многого не знает, но даже у запредельного есть пределы. Череда совпадений, досужие вымыслы под видом «научных» гипотез; «игры» разума, слуховые и зрительные галлюцинации – что еще это было? Не надо усложнять, все имеет логичное объяснение. Полиция за убийство преступника меня, конечно, по головке не погладила, но все обошлось. Не было задержаний, бесконечных вызовов к следователю. Все лавры забрала полиция Центрального района в лице моего однокашника Вадима Кривицкого, и все стороны остались довольны. Жизнь продолжалась. Варвара согласилась переехать в мою холостяцкую берлогу на улице Советской, но честно предупредила: только с одним чемоданом, поскольку вы, товарищ сыщик, существо ненадежное и весьма подозрительное. С Варварой было трудно, иногда невозможно, но я уже знал, что это надолго (если не сказать большего). Через неделю она задумалась и допустила, что может перевезти и второй чемодан. Ее отпуск давно закончился, мой – не начинался. Все дни она просиживала в своей библиотеке, я работал в детективном агентстве «ЧП “Ветров”». Частные расследования», являясь его основателем, директором, а также единственным сотрудником, если не считать помощницу и секретаршу Римму Казаченко. Римма в мои дела не вмешивалась (во всяком случае, делала вид), сидела в офисе, принимала почту и отвечала на звонки. Агентство худо-бедно существовало, я поднял Римме зарплату на пять тысяч, отчего она впала в легкий ступор и задумалась: это унижение или большая честь? Видения касательно армейской службы и последнего боя сошли на нет – лишь иногда что-то взбрыкивало в душе, и остаточные явления царапали горло. Я перестал принимать препараты, на которых сидел несколько лет, – и это тоже прошло безболезненно. У Варвары и Сергея Борисовича на этот счет имелось собственное мнение, связанное с куполом Большого зала Новосибирского крематория (который я действительно неоднократно посещал), но к этой гипотезе я продолжал относиться скептично, предпочитая традиционную версию – связанную с целебными свойствами времени. Пару раз я выполнял несложную работу для Якушина, проверял «маршруты» некоторых артефактов, пополнивших коллекцию музея. Дважды работал на клиентов, оставлявших Римме свои координаты и пожелания. За пределы законодательства я старался не выходить – во всяком случае, явно. А вот лазейки в последнем с удовольствием использовал. Полиция на мои увертки закрывала глаза – нашим органам я тоже пару раз оказывал услуги. Иногда я приезжал в музей Сергея Борисовича, бродил по залам бывшей котельной базы Военторга, ставшей одним из самых странных музеев мира, разглядывал экспонаты: надгробные плиты и старинные траурные платья, похоронную атрибутику XIX века. Я всматривался в лики святых, взирающих с икон, знакомился с коллекциями мемори-

альных украшений. Их было много – предметы из жемчуга и аметиста, медальоны с портретами и локонами умерших людей, ювелирные изделия с монограммами и памятными надписями. Удивляла фантазия мастеров похоронных дел: на заказ из волос умерших делали серьги, браслеты, цепочки, даже пышные колье и подвески. Из них создавали узорчатые настенные мемориалы, вплетали в картины и гобелены. Сотрудники музея выставляли новые экспонаты: японские урны для праха – они напоминали мне чайный сервиз «Фудзияма», что был когда-то в нашем доме; надгробные кресты, траурные одежды, сшитые по нормам ушедшей эпохи. Иногда я ловил себя на мысли, что приезжаю неосознанно – сажусь в машину, еду, провожу в музее и на территории крематория свободное время, потом возвращаюсь в город, толкусь в супермаркете, чтобы купить продукты. Прогулки по владениям господина Якушина настраивали на минорный лад и как-то успокаивали. Странные мысли приходили в голову: а что, если правда жизнь – иллюзия, а все настоящее начнется после смерти? И так ли неправ Станислав Ежи Лец со своим: «Первое условие бессмертия – смерть»? Однако, как ни крути, и Гёте был прав, заявив, что жизнь – прекраснейшая из выдумок природы…

Недоразумения начались с последней работы, предложенной Сергеем Борисовичем. Во втором корпусе музея открылась экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне. Далеко не все из выставленных экспонатов имели отношение к смерти. Экспонировалось оружие советских времен, военная форма, амуниция (в том числе подразделений вермахта), знамена частей и соединений, групповые фотоснимки советских солдат – улыбчивых и, что характерно, живых. Однако на войне за смертью далеко не ходят. Старые, пожелтевшие похоронки, пробитые пулями каски, залитые кровью солдатские книжки и жетоны, фрагменты писем красноармейцев, которые они перед смертью не успели отправить близким. Экспозиция была чувственная, сильная. В один из дней на выставке произошел инцидент. 94-летнему старику стало плохо, но откачали. Некто Жаров Степан Макарович, ветеран войны, участник боев под Москвой зимой 41-го, бился под Курском, освобождал Белорусское Полесье и польскую Нижнюю Силезию, незаконно присвоенную Германией. Хоронил в крематории супругу, с которой прожил больше 60 (!) лет. Сыновья, внуки, правнуки – многие приехали в этот день. Старик – в своем уме, у него прекрасная память. К кончине больной жены готовился давно, рассудок от этого события не помутился. Как он с парой родственников оказался в музее, неизвестно. Хотя не он первый. Увидел фляжку, пробитую пулей, лежащую среди других воинских артефактов, заволновался: это же его фляжка! Как узнал, непонятно, сперва не поверили. Старик прижался носом к витрине – моя фляжка, она одна такая! На ремне висела, видите, пулей пробита? Эта пуля и ему и досталась, поразила сбоку нижнюю часть живота – отправила в госпиталь, где и провалялся больше полугода… Старик настаивал: достаньте, дайте посмотреть! Глаза слезились, руки дрожали. Моя она, на задней стороне гвоздем нацарапано: «Жаров» – специально нацарапал, чтобы однополчане не сперли, а то бывали случаи! Персонал растерялся, подозвали Сергея Борисовича, тот распорядился открыть витрину. И ведь действительно – на задней стороне алюминиевой солдатской фляжки было нацарапано то самое слово! Обычная фляжка, как старик ее узнал – мистическая загадка. Сергей Борисович вернул старику его утраченную собственность. Попутно всплыла детективная история. 2-я Ударная армия будущего предателя генерала Власова гибла, окруженная, в Волховских болотах, Ставка помощь не оказывала. Солдаты умирали от холода, голода, под бомбами и артобстрелами. Отдельные подразделения пытались вырваться из кольца, но удавалось немногим. Степан Макарович был молодым офицером, прошел ускоренные лейтенантские курсы. Весь взвод погиб, когда весной 42-го выходили из топей под деревней Рыковка. К взводу прибились несколько офицеров из штаба разгромленной дивизии – на них давно охотился Абвер. Той ночью людей разбросало, контролировать солдат было невозможно. Выходили перед рассветом – небо едва серело. Весь взвод и офицеры штаба полегли под проливным пулеметным огнем. Те, кто в панике бежали, тонули в трясине. Немцы потом подошли к краю топи, добивали раненых. Степан Макарович

лежал без сознания с пулей в боку. Весь в крови, в болотной грязи – его сочли убитым. И эта насмешливая фраза сиплым голосом по-русски: мол, отмучились, товарищ лейтенант? Туда вам и дорога, сталинский выкормыш… Голос вроде знакомый, но звучал глухо – или просто выдумал его, находясь в бредовом состоянии? Смутно доходило, что обладатель голоса стаскивал с него ремень, а там, помимо фляжки и подсумка, был шикарный трофейный нож в кожаном чехле. Когда пришел в себя – никого вокруг, только мертвые красноармейцы. Он плохо все помнил, полз, брел на полусогнутых. Случилось чудо, наткнулся на патруль, вытащили, переправили в госпиталь. Как-то излечили, к лету 43-го встал в строй. Прошел остаток войны без единого ранения – и постоянно терзался, не мог найти объяснения: что это было? Откуда взялись немцы? Сдала какая-то гнида – либо из своих, либо из штабистов. За своих бойцов и младший командный состав он был уверен, за штабистов – тоже. Грешил было на одного капитана, имелось в нем что-то непорядочное, но своими глазами видел его труп, когда выползал из болота. Никто не вернулся, кроме него, все сгинули в той трясине под пулеметным огнем. Страдал, терзался Степан Макарович, стыдно было, что все погибли, а он остался. Очень хотел узнать – кто же сдал окруженцев, кто втихую перешел к немцам и сообщил, каким маршрутом они пойдут. Создавал круг подозреваемых, исключал тех, кто был рядом. Но всех не запомнил – пасмурно было, два отделения шли параллельным курсом…

И вдруг эта фляжка. При чем тут, казалось бы, фляжка? Кто-то стащил с него ремень, на котором, помимо ножа, висела эта штука с протухшей болотной водицей. Ее пробила пуля, вошла в брюшную полость. Он помнил, как прижимал эту фляжку к брюшине под ребрами, чтобы уменьшить кровотечение, потом потерял сознание, подошел этот тип, стащил с него ремень – иначе ведь чехол ножа не снимешь. А потом куда ее дел? Да выкинул, на кой ляд ему эта продырявленная фляжка, если немцы другую дадут – новую, целую и «европейскую»?

Фляжка оказалась просто фляжкой. Отслеживать ее дорогу через 78 лет до Новосибирского музея – занятие неблагодарное. Но разыгралось что-то из-за нее, вскрылись старые душевные раны. Сергея Борисовича навестила дочь вдовца, поведала об идее фикс, терзающей старца. Вся родня готова сложиться и заплатить, если эта тайна в один прекрасный день перестанет быть таковой. Степану Макаровичу нужно знать – в противном случае будет маяться душа и после смерти. Немного осталось старику. Можно что-то сделать? Сергей Борисович, если честно, пришел в замешательство. Брать деньги с этих людей? Их фамилия не Морганы. Обратился ко мне. В наше время, обладая связями, телефоном и Интернетом, можно сделать многое, не выходя из офиса. Я подключил Вадима Кривицкого; позвонил знакомому из военкомата. Якушин через бывших коллег в гарнизонных службах вышел на Совет ветеранов. Обрисовалась жуткая картина гибели 2-й Ударной армии в волховских болотах. Несколько попыток прорыва из окружения – люди гибли сотнями, тысячами, выходили из котла под непрерывным обстрелом, по грудам мертвых тел. От армии не осталось ничего. Отдельные мелкие подразделения пытались прорваться самостоятельно. 2-ю стрелковую дивизию полностью разбили. В ее состав и входил рассеянный по болотам батальон, куда входил взвод лейтенанта Жарова. Несколько дней к нему прибивались «бродячие» красноармейцы, примкнул штаб полка в составе дюжины офицеров. Восстановить списки штатного состава практически невозможно. Накануне трагедии в строю оставалось чуть больше двадцати бойцов, несколько офицеров. Тяжелораненых тащили на волокушах. Что там произошло, известно лишь со слов одного Жарова. Но не верить ему оснований не было…

Через 70 лет в окрестностях Раковки работали «черные копатели» – отсюда, видимо, и стартовало путешествие фляжки, добравшейся в итоге до Сибири. Расступались временные пласты, оживали забытые события. «Диванное» расследование уже не катило. Я потратил четыре дня на эту странную командировку. Самолетом до Санкт-Петербурга, трясся несколько часов в маршрутном автобусе, пару раз ловил попутки. Человек, с которым договорились о встрече, прибыл из Луги. Он и свел в загнивающем селе со своей дальней родственницей –

древней бабушкой, которой в 42-м было 17 лет. Бабушка сохранила ум и память. Немцы село не занимали, но в него периодически наведывались каратели и полицаи, пугали местных. Те события бабушка помнила. В самом селе сражений не было, но в окрестных болотах несколько дней шел бой. Там кого-то окружили, трещали пулеметы, рвались гранаты. Карателей стянули не меньше сотни. Полицаи переговаривались – она слышала, схоронившись за плетнем: мол, солдат в болоте немного, но куча офицерья из штаба разбитой части, их немцы не собирались выпускать из окружения. Потом, уже к вечеру, по селу вели человека в советской форме! Его не били, обращались даже учтиво. Человек лебезил перед немцами, а те снисходительно посмеивались. Мужчина был грязный, оборванный, с сержантскими петлицами. Я не поверил, переспросил, откуда у бабушки такие серьезные познания? Брат ее на фронт уходил в 41-м – точно такие же петлицы на воротничке были! Малиновый ромб со светлой полосой, а в полосе – два треугольника. Еще сказал братец гордо: я сержант. Самое интересное, что пожилая женщина даже внешность этого субъекта запомнила – не отчетливо, смутно, однако образ в голове сохранился – что было для меня потрясающей удачей! Я лично перед командировкой разговаривал с Жаровым, и все, что он помнил о событиях тех страшных суток, отпечаталось во мне. В горстке красноармейцев, приготовившихся к прорыву, было не так уж много сержантов…

Не уверен, что поступил правильно – сразу по возвращению направился в частный сектор на Троллейной улице – там жил старик с дочерью. Но меня просили, уверяли, что старик должен знать! Иных рекомендаций я не получал. «Мне очень жаль, Степан Макарович, но вашу группу предал сержант Шмаков, командир третьего отделения, которого вы считали утонувшим в болоте. Все материалы я вам предоставлю позднее». Кто же знал, что предатель – его хороший товарищ, разжалованный из лейтенантов! И что родом он – из того же сибирского села, что и Жаров, и что половину детства они провели вместе! Неисповедимы пути человеческой психики. Что его подвигло на предательство (равно как и командарма 2-й Ударной армии Андрея Власова)? Шмаков сгинул, что с ним случилось, никому не известно. Считался погибшим на фронтах Великой Отечественной, родственники пользовались всеми льготами…

Старик смертельно побледнел, а я поспешил ретироваться. Утром стало известно: до утра Степан Макарович не дожил, тихо скончался. Ни инсульта, ни инфаркта, просто сдал вконец изношенный организм. Варвара, как узнала, обрушилась на меня с деструктивной критикой – какое я право имел говорить такое в лоб старому человеку? Мне было неуютно, грызло чувство вины. Но для чего мы восстанавливали эти события по просьбе старика? Чтобы все выяснить и хранить от него в тайне? После смерти жены это было единственное, что держало ветерана в этом мире. Но Варвара как с цепи сорвалась, мы скандалили два дня. Я мог выкрутиться, вернуть мир в наши отношения, но сам сорвался, наорал. В итоге она собрала вещи и ушла. Сильно обиженных не наблюдалось – Степана Макаровича привезли хоронить в крематорий. Церемония прошла достойно, с присущей усопшему скромностью. «Потерпите, Никита Андреевич», – говорил мне Якушин, – все стерпится, слюбится, Варвара Ильинична вернется к вам, когда успокоится. Вы оба крепкие орешки – я уже понял. Главное, не усугубляйте свой разрыв, ищите точки соприкосновения. Только время все расставит по местам. Да, ее взбесил ваш поступок. Я с ней отчасти согласен – вы могли бы предварительно проконсультироваться со мной. Но что сделано, то сделано. Степан Макарович скончался не от шока, не от потрясения – хотя новость о предательстве друга, разумеется, не из лучших. Просто время пришло, душа унялась, ее уже ничто не держало в этом мире. Сейчас ему хорошо, даже не сомневайтесь. По крупному счету вы не виноваты, Никита Андреевич, эту новость нам все равно пришлось бы сообщать…»

Дела в музее после событий, связанных с делом Марии Власовой, шли неплохо. Из далекого Кызыла привезли пару мрачных артефактов, связанных с шаманскими погребальными обрядами. Я пару раз замечал Варвару в компании этих демонически раскрашенных идолов – держался подальше, чтобы не вызвать очередную бурю. На атаку злобных тувинских духов моя голова не особо рассчитана. Я продолжал общаться с Сергеем Борисовичем и уже привыкал к

его необычному бизнесу. В этой сфере трудилось множество людей. Специальные лаборатории разрабатывали средства для бальзамирования усопших, всевозможные танато-гели для инъекций и моделирования лица, для поверхностного бальзамирования, артериальные и полостные жидкости, абсорбирующие порошки, вытягивающие неприятные запахи, всевозможные воски, косметические кремы, спреи, клеи, эмульсии, парафины, пилинги. Я не подозревал, что покойникам требуется столько ухода и для приведения их в порядок перед прощальной церемонией задействовано столько средств и специалистов. Кое-что из перечисленного местные лаборатории производили сами, другое закупали по дилерским контрактам. Я долго не понимал – почему так сложно?

– Все должно быть красиво, естественно и человечно, – объяснял Сергей Борисович. – Пусть это только островок цивилизованного отношения к усопшим, но с чего-то нужно начинать? Мы живем в стране, где, во-первых, часто умирают, во-вторых, отношение к покойным – варварское, унизительное, к процедурам прощания – поверхностное, если не сказать большего. Уважением не пользуются ни живые, ни мертвые. Обращали внимание, какие тела хоронят на кладбищах? На что они похожи? Это подобия бывших людей – серые, распухшие, на себя непохожие. Я считаю это неприемлемым. Прощание должно происходить с человеком, а не с его подобием. Именно на это нацелена часть нашего бизнеса. Усопший должен выглядеть живым. Просто уснул, скоро проснется… Людям легче, понимаете? Все понятно, он не встанет, но все равно легче, уж поверьте, Никита Андреевич, это психология. О живых мы тоже обязаны думать…

– По моему ничтожному мнению, все это и происходит ради живых, – пробормотал я. – Кто-то из древних сказал: забота о погребении, возведение гробницы, пышность похорон – все это скорее утешение живым, чем помощь мертвым.

– Августин Аврелий, – улыбнулся Якушин. – Отчасти вы с этим товарищем правы. А какая удручающая обстановка царит на наших кладбищах – тоже не обращали внимания? Кладбищенская мафия, инфекции, неухоженность, вымогательство денег у населения… Зато все согласно христианским канонам. Это со Средних веков еще пошло – запрещалось подвергать мертвецов кремации. Считалось, что в Судный день все умершие поднимутся из могил. Вы можете представить эту милую картину? Кстати, косметика, которую мы производим и покупаем, – в основном это жидкости для сосудистого бальзамирования – продается в России очень плохо, и знаете, почему? Еще с советских времен существует распоряжение, оно исполняется и сейчас: практически все тела доставляются на вскрытие в бюро судебно-медицинской экспертизы. Процедура варварская, якобы в интересах науки, хотя понятно, что никаких исследований в большинстве случаев не проводят. Примитивная корысть судебных медиков и санитаров – выдавливание денег, фактически шантаж скорбящих родственников. Ведь тела не выдают, пока не оплатишь за омовение, одевание, грим, бальзамирование. На первый взгляд процедуру соблюдают: является государство в виде полицейского, выписывает постановление об эвакуации тела в судебную медицину – и почти всегда под надуманным предлогом: мол, все подозрительно, имеются признаки насильственной смерти – вроде удушения с помощью подушки. Отказаться невозможно, хотя по закону положено обратное – если родственники против по религиозным соображениям, или налицо естественная причина смерти – скажем, рак четвертой степени. Но все равно увозят и вскрывают. По закону морг обязан вернуть тело в подготовленном к прощанию виде, но что происходит на деле? Даже если поступает оплата – выдают тела не до конца зашитые, в полостях живота остаются какие-то простыни, тряпки, в волосах – сгустки крови, лица – не помытые… С этим невозможно бороться, Никита Андреевич, там круговая порука, они уверяют, что все делают по закону, а фактически мошенничество…

– Ну, что тут поделаешь, – вздохнул я. – В стране воров мошенники – честные люди.

– Вот именно, – кивнул Якушин. – Это милейшие и порядочные люди, которые никого не ограбили и не убили. Отсюда и причина, почему плохо распространяются сосудистые бальзамирующие составы. Эти вещества полностью бальзамируют, удаляют все трупные пятна – поскольку трупная свернутая кровь замещается консервантом розового цвета. Но после варварского обращения с телами сосудистая сеть разрезана, невозможно откачать кровь и заменить ее бальзамирующим составом. Мы устали спорить с судебками, Никита Андреевич. И это еще полбеды, с этим можно смириться, сделать поправку на страну, на менталитет людей. Но есть проблема куда серьезнее – она угрожает живым. Это инфекционная опасность, исходящая от мертвых тел. Нынешние мертвые тела – это не те, что были 20, 30 лет назад. Сильно изменилась патогенная флора, особенно бактериальная – без специальной обработки гроба и тела прощаться опасно. Мы используем все, что производит соответствующая индустрия, однако и это не дает гарантии. Микробы мутируют, некоторые средства просто не действуют. И это даже здесь – в, казалось бы, идеально стерильном крематории. А что творится, простите, на кладбище?

Глава вторая

Несколько дней я не общался ни с Варварой, ни с Якушиным, занимался делами в агентстве. Пришла оплата от клиента, которому я помог найти пропавшую в Таиланде жену. В сам Таиланд я, к сожалению, не летал, пропавшая жена оказалась весьма недовольна, да и муж, после изучения обстоятельств пропажи, был не прочь снова ее потерять, чтобы не порочила его деловую репутацию. Но, будучи порядочным джентльменом, рассчитался полностью. На фронтах детективной работы воцарилось затишье. Лето в Новосибирске протекало нормально, без климатических ужасов. Имелись основания для сдержанного оптимизма – наконец-то отдохну. Я составил план первоочередных мероприятий: отремонтировать машину, которая вдруг стала очень прожорливой; навести порядок в доме; помириться с Варварой… Над последним пунктом я много ломал голову, взвешивал. Предложить путевку на двоих в дождливый Таиланд – как-то мало. Купить кольцо, пригласить в загс, пообещав, что всегда буду прислушиваться к ее мнению, – слишком много…

Сначала все испортила помощница и секретарша Римма Казаченко. Я входил в офис в понедельник утром 16 июля, когда там что-то упало и разбилось. Это был допотопный сканер, который я давно мечтал заменить (и, похоже, моя мечта становилась явью). Римма стояла с понурым видом, комкала мокрую тряпку и сокрушенно вздыхала. Под ногами валялся разбитый сканер, из которого весело выкатился потерянный в прошлом году китайский шарик для рук. Римма смотрелась неважно – туфли на тонкой подошве, собранные на затылке волосы, платье, полностью скрывающее достоинства фигуры.

– Ну, и зачем ты это сделала? – осторожно спросил я.

– Ты знаешь, Никита, я не преследовала определенной цели. – Она неласково покосилась в мою сторону: – Ну, что так смотришь? У меня штамп на лбу – «Уплачено. ВЛКСМ»? Я пыль хотела под ним стереть…

– О, святая дурь, – пробормотал я. – Зачем, Римма? Ладно, успокойся, ничего больше не трогай, а то разрушения примут тотальный характер. Я потом уберу. Что случилось?

Она вздохнула и побрела на свое рабочее место.

– Все нормально, просто настроение – чтобы меня куда-нибудь увезли и закопали…

– Можно в крематории сжечь, – предложил я.

– Да какая разница, – она махнула рукой, – гнить, гореть… Хотя ты прав – гореть, наверное, веселее.

– Да, обхохочешься, – согласился я, ногой задвигая сканер в угол. Китайский шарик закатился под кушетку, и это, похоже, еще на год. – В чем проблемы, Римма? Надо полагать, в семье? Твоя дочурка, если память не подводит, домучила-таки летнюю сессию, нет? Заставляют сдавать заново?

– Нет, это у Федора на работе, – неохотно объяснила она. – Там такой дурдом…

– Пациенты дурдома уволили главврача? – предположил я. Супруг моей секретарши трудился в компании СИБЭКО, поставляющей тепло и электричество в дома горожан, и, по словам Риммы, под ним давно потрескивало кресло руководителя небольшого, но очень важного для компании отдела.

– Да, он ушел с работы. – Римма вздохнула с такой тяжестью, словно он не ушел, а умер. – Да еще скандал затеял… Ну, ты же знаешь, что у сотрудника на уме, то у уволенного на языке…

– Сочувствую, – совершенно искренне сказал я. – Хочешь получить пособие? Премию по утрате кормильца? Могу поднять зарплату – в разумных, разумеется, пределах. И заметь, Римма, я не издеваюсь – пусть не смущает тебя мой тон…

– Не надо напрягаться, Никита… – С моей помощницы сегодня можно было икону писать. – Ты мне уже поднимал зарплату в этом квартале – она теперь такая огромная… Ладно,

выкрутимся, он что-нибудь найдет, а мы с Люськой поддержим человека в трудную минуту… Для чего иначе существует семья?

Она устремила на меня скорбящий лик, словно ждала ответа. Я этой темой не владел, хотя имел смутное подозрение, что объединение под названием «семья» как-то связано с перераспределением материальных благ (от тех, кто больше зарабатывает, – к тем, кто вообще не зарабатывает). Ну, и, естественно, для того, чтобы растить маленьких крикливых существ.

– Тогда что ты хочешь? – забеспокоился я.

– Отпуск, – облизнув губы, решилась Римма. – Второй оплачиваемый отпуск в этом году.

– Не жирно? – засомневался я.

– Уверена, что нет. Да, в начале мая я числилась в отпуске, но время ушло безвозвратно и было потрачено впустую. Редиска, морковка, цветы-незабудки, покупка холодильника, ухитрившегося сломаться через неделю… Сейчас же отпускной период – целевой, я должна морально поддержать своего мужа, у которого сложные времена в жизни.

«Бедный дядя Федор, – подумал я. – Он даже не догадывается, что ему уготовано».

– Мне надо от силы три недели, – проворковала Римма, опуская глаза.

– Сколько-сколько? – не поверил я своим ушам.

– Зато потом – я вся твоя, – щедро заявила помощница. – Всю работу переделаю, и даже ту, которую не надо. Я заставлю наше агентство процветать.

Страшно представить. Я поежился.

– Сам подумай, что сейчас делать? – настаивала Римма. – Душное лето, мертвый сезон – все на Карибах. Закрывай контору, напиши, что все в отпуске и офис заминирован. Бери свою Варвару и дуй с ней сам… на те же Карибы. Ладно, поссорился, подумаешь, невидаль, вы же любите друг друга?

Не знаю, что на меня подействовало, боюсь – ее последние слова. В принципе Римма права, отдыхать тоже надо. Единственный сносный месяц в наших палестинах – июль, и он уже мчится полным ходом, еще пара недель – и станет мучительно больно за бесцельно прожитый год…

Я отмахнулся от нее – ладно, топай, выдал тоненький конверт с пособием. Она сплясала от радости, расцеловала в обе щеки и умчалась, пока я не передумал. Я готов был держать пари – она отключит все телефоны, включит другие (сокрытые от моей персоны) и эти три недели проведет так, что ей уж точно не будет мучительно больно.

Именно в эту минуту зазвонил телефон, я глянул на дисплей и понял, что зря подумал про отпуск. Неужели и у меня развиваются парапсихические способности?

– Никита Андреевич? – озабоченно осведомился Якушин. – Тешу себя надеждой, что вы еще не ввязались в очередное безнадежное мероприятие?

– Пока нет, Сергей Борисович, – я отвечал подчеркнуто бодро, все равно насквозь видит (и слышит), – вы успели первым. Хотите предложить именно такое?

– Если в плане безнадежности, то да. – Сергей Борисович усмехнулся, но как-то невесело. – Подъезжайте, Никита Андреевич, я вас жду.

Чутье подсказывало, что в ближайшее время я в свой офис уже не вернусь. Выдернул из розеток все приборы, задвинул еще дальше разбитый сканер, потом спохватился, обильно полил фиалки, про которые Римма сегодня забыла. «Автопоилку бы придумать», – мелькнула любопытная мысль. Запер офис, включил охрану и через несколько минут уже выезжал на главный городской проспект.

Пробок сегодня не было – как-то подозрительно и не к добру. На узком Каменском шоссе движение было плотное, однако никто не стоял. Навстречу шли два автобуса ритуальной службы, что я тоже расценил как недобрый знак. Знакомый охранник на шлагбауме долго всматривался в меня – настолько долго, что я начал беспокоиться за свое лицо. Он рассмеялся – шутка, и шлагбаум гостеприимно взмыл ввысь. Еще одна шутка поджидала в служебном

помещении музея, которое я мысленно нарек «рюмочной» (и не без оснований). Сотрудница Лариса находилась на своем рабочем месте, перелистывала бумаги. Услуги экскурсовода в этот час посетителям не требовались. Она повернула голову, приветливо улыбнулась. В главном зале музея за ее плечом царило загадочное безмолвие. Застыли манекены, разыгрывающие скорбные сцены, вырисовывались очертания траурных платьев, гробов, со стен в обрамлении окладов выжидающе поглядывали святые. Вез в никуда свой торжественно-траурный экипаж безучастный ко всему «водитель кобылы».

– У вас так тихо, словно все ушли на выборы, – подметил я.

Лариса прыснула, показала на закрытую дверь.

– Заходите, Никита, не стесняйтесь, вас ждут. Только осторожно.

Я не внял предупреждению, оно не отложилось в голове, толкнул дверь, вошел.

И отшатнулся, когда на меня метнулось что-то черное, оскаленное, с пылающими воспаленными глазами! Дверь захлопнулась у меня за спиной, я машинально отпрянул к ней, поднял руки – сдаюсь! От испуга перехватило дыхание – предупреждать же надо! С глухим ворчанием на меня взгромоздилось, словно приглашая на медленный танец, страшноватое существо. От чудовища пахло псиной – впрочем, умеренно, могло быть гораздо хуже. Горло собаки обвивал ошейник – ладно, хоть не дикая…

– Гека, фу! – возмущенно воскликнул Сергей Борисович, вставая из-за стола. – Ну, что ты, в самом деле… На место!

Чудовище неохотно слезло с меня, как-то плавно превратившись из монстра ночных кошмаров в щенка-подростка ротвейлера, и, помахивая обрубком хвоста, удалилось в угол, где сладко зевнуло и разлеглось, пристроив морду на лапы.

– Прошу простить, Никита Андреевич, – смущенно сказал Якушин, – но Лариса должна была вас предупредить.

– Ну, да, – пробормотал я, – в принципе, она предупредила… – Я опасливо покосился в угол. Собака смотрела на меня с интересом – словно прикидывала, с какой части тела лучше начать поедание.

– Не обращайте внимания, – улыбнулся Якушин. – Решил наконец взять щеночка, друзья посоветовали именно эту породу. Ей пять месяцев, еще ребенок. Жуткая обормотина, должен вам сказать. Такая проказница… На днях перегрызла кабель от роутера и на несколько часов погрузила наше учреждение во тьму средневековья… Прибыл мастер, так она его даже подпускать не хотела к перекусанному кабелю, лаяла, бросалась – как ребенок, право слово…

– Какое милейшее и добродушное создание, – пробормотал я, отклеиваясь от двери. – И как зовут этого славного песика?

– Долго подыскивали достойную кличку и решили назвать Гекатой. По-простому – Гека.

– Геката? М-м… – Я задумался. Слово смутно ассоциировалось с чем-то древнегреческим.

– Богиня тьмы и мрака, – подсказал Якушин, – а также лунного света, колдовства, преисподней…

– И ядовитых растений, – добавили откуда-то сбоку. От тембра этого голоса мне стало не по себе, я повернул голову. Варвара сидела у окна, спрятавшись за шкафом с бумагами, и смотрела на меня без всякой симпатии или, боже упаси, любви. – Она живет во владениях Аида и воплощает ужас ночи, – с желчью продолжала девушка. – Это бледная женщина с черными, как смоль, волосами. По ночам она выходит на охоту в сопровождении адских псов…

– Вот теперь все понятно, – сглотнул я. – Кстати, Сергей Борисович, а что здесь делает эта женщина?

– Не хочу быть арбитром в ваших поединках, – поморщился Якушин, – разбирайтесь сами. Варвара Ильинична здесь исключительно по делу. Кстати, что-то мне подсказывает, она не прочь с вами помириться, но об этом она подумает завтра, верно, Варвара Ильинична?

– А сегодня она продолжит меня недолюбливать, – улыбнулся я.

– Это неправда, Сергей Борисович, – фыркнула Варвара и слегка заалела.

Компания подобралась теплой. Малолетней «богине тьмы и мрака» с повадками дворовой хулиганки надоело лежать, она приняла сидячую позу и продолжала меня придирчиво визировать. На Варвару она не реагировала. Последняя смотрелась элегантно в парусиновом костюме песочного цвета, с новой укороченной прической, с подрезанной челкой, открывающей неприлично высокий для женщины лоб. И Сергей Борисович, как всегда, выглядел представительно. Костюмная тройка из переливающейся черной ткани, белая рубашка, седая окладистая бородка. Сергей Борисович был явно обеспокоен, хотя не акцентировал это. В дверь постучали, вошла, извинившись, статная женщина средних лет, положила перед Якушиным папку с бумагами и раскрыла ее. Он нацепил на нос очки, бегло просмотрел документы, стал подписывать. Пока он это делал, женщина украдкой поглядывала в мою сторону. Варвара сидела неподвижно, презрительно поджав губы. Якушин закрыл папку, женщина подхватила ее, поблагодарила и стремительно удалилась. На нее собака тоже не реагировала.

– Прошу извинить, – сказал Сергей Борисович, снимая очки, – налоги, налоги… Но это неизбежное зло, мы все должны содержать родное государство. Чаю хотите, Никита Андреевич?

– Нет.

– Как хотите. Если передумаете, сделаете сами. Может, присядете? Геката не укусит, не переживайте. Не скажу, что уже сегодня она занесет вас в список друзей, но когда-нибудь это сделает. Располагайтесь, друзья мои. Беседа будет долгой, и говорить в основном буду я… – Сергей Борисович посмотрел на часы, потом на лежащий рядом телефон, не подающий признаков жизни, удрученно качнул головой. Он усердно скрывал беспокойство. Я задумался: както странно. А ведь людей на шлагбауме сегодня было больше – четверо вместо традиционных двух. И по парку прогуливались люди в темной форме, и за сфинксом у входа в музей бдительно курили двое. Я мысленно перекрестился: надеюсь, это не связано с закрытым делом Марии Власовой… Я сел и быстро глянул на Варвару. Она тоже глянула и задрала нос. Я был безумно рад ее видеть! Надеюсь, мои чувства не отметились на лице всеми красками радуги.

– Сначала экскурс в историю, – начал Якушин. – Я не требую относиться серьезно к тому, что расскажу, – дело ваше. Возможно, вы слышали про эту историю, возможно, нет. Тысяча девятсот шестьдесят девятый год – время, когда СССР чувствовал себя уверенно, и люди искренне считали, что живут в самом прогрессивном и справедливом государстве. Место действия – 60-я параллель, западная часть Красноярского края, примерно между Енисеем и восточной границей Томской области. Места глухие, ландшафт горно-лесистый, много скал, речушки, озера. Население Тагаринского района, мягко говоря, небольшое – и тогда, и сейчас. Деревни, поселки, дороги ужасного качества. Райцентр Тагарино – ближе к Енисею… Слышали историю про «Тагаринскую принцессу»? – внезапно спросил Якушин.

– Да, разумеется, – кивнула Варвара.

Я пожал плечами. Я слышал много историй, но о такой – никогда.

– Никита Андреевич не по этой части, – подколола Варвара. – Он сказки с детства не читает. На вашем месте, Сергей Борисович, я бы не делала попыток достучаться до его бронированного разума.

– И все-таки я попробую. Летом шестьдесят девятого года по велению районных властей недалеко от села Ржавники решили построить каменный карьер по добыче щебня. Там много скал, в том числе подземных. Проводились геологические изыскания, потом стали подтягивать технику. Работали враскачку, около недели, пока не случился инцидент. Рабочий по имени Иван Караваев трудился на экскаваторе, заглублялся в грунт. Внезапно в каменном обрыве под ударным воздействием произошли сдвиги, вывалилась часть скалы, и образовалась ниша в ее теле. Это оказалось что-то вроде склепа. В склепе на каменном постаменте было уста-

новлено нечто массивное, мраморное, необычных очертаний, отдаленно напоминающее саркофаг. Лицевую сторону саркофага обрамлял затейливый узор, не имеющий ничего общего с традиционными узорами. Сверху лежала тяжелая крышка, скрепленная с саркофагом застывшим раствором – назовем его замазкой. Горнорабочий Караваев позвал товарищей, собрались мужики, озадаченно чесали затылки… Саркофаг, разумеется, вскрыли. Ломами, крепким словом – история об этом умалчивает. Толщина мраморных стенок необычного гроба оказалась порядка пятнадцати сантиметров. Практически полностью он был заполнен раствором розоватого цвета. В растворе лежала молодая и весьма красивая женщина – с длинными белыми волосами, на концах заплетенными в косички, и в белой одежде до колен, похожей на робу, – причем впоследствии ученые определили, что аналогов данного материала в нашем мире не существует. У девушки были большие голубые глаза – как ни странно, открытые. И вообще, она казалась живой – даже не спящей, а такой, что вот-вот встанет, начнет с любопытством озираться…

– Красивая история, – оценил я. – Теперь понятно, откуда пошли сказки про спящую красавицу.

– Чушь, – фыркнула Варвара. – До Ивана Караваева этот саркофаг никто не откапывал, и ничего подобного нигде не находили. И вообще, это было задолго до динозавров…

– В каком это смысле? – опешил я.

– Ученые провели анализ и выяснили, что находке – а именно подножию саркофага, самому саркофагу и его содержимому – не менее восьмисот миллионов лет, – негромко сообщил Якушин и стал наблюдать за моей реакцией.

– Тогда это все объясняет. – Я решил проявить сдержанность. – Динозавры в то время даже в планах Создателя не значились.

– Согласно генетическим исследованиям, особа в саркофаге не являлась пришелицей из космоса или параллельного мира, – добавил Якушин. – По строению лица, фигуры она относилась именно к тем народностям, что сейчас населяют данную местность, – то есть внешность европеоидная.

– Позвольте несколько уточняющих вопросов, Сергей Борисович, прежде чем продолжите, – сказал я. – Можно узнать, каким образом проводились упомянутые исследования – по возрасту саркофага и определению расы загадочной незнакомки? Генетические анализы стали доступны только в восьмидесятые годы. Анализы по ДНК стали делать еще позднее. Чем могла похвастаться наука в конце шестидесятых? Сомнительный радиоуглеродный метод? Дендрохронология – что там еще? Восемьсот миллионов лет – это не десять, не двадцать тысяч. Откуда такая цифра? Да и кто бы ее донес до советских людей, если подобную находку немедленно бы засекретили?

– Полагаю, вопросов будет больше, – мягко произнес Якушин. – Насчет ДНК я с вами согласен, но что вы имеете против радиоуглеродного метода? Не стоит углубляться в эти дебри, Никита Андреевич. Мы же не хотим сломать свои головы от непосильной тяжести? Я продолжу, не возражаете? Любопытствующих было много – а значит, и очевидцев. О находке сообщили органам. Милиция взяла объект под охрану. На следующий день прибыли представители КГБ и всё вокруг оцепили, ввели закрытую зону с режимом ограниченного доступа. В район спешно стягивали войска, и вскоре вся местность вокруг несостоявшегося карьера превратилась в секретную территорию, опоясанную колючей проволокой и контрольно-пропускными пунктами. Дорожные рабочие ударными темпами улучшали местные проселочные дороги. Подтягивалась специальная техника. Местным жителям запретили покидать район, со всех брали подписки о неразглашении. С содержимым саркофага произошла занятная история. Некие умные головы решили слить розовый раствор, чтобы уменьшить вес переносимого груза. И хорошо, что слили не на землю. Тело девушки почти мгновенно стало портиться, посерело, сморщилась кожа, появились трупные пятна. Спохватились, слили обратно раствор –

и буквально на глазах все стало улучшаться… Не смотрите так, Никита Андреевич, мы все обучались в школах и вузах. Мы знаем, что процессы тления органического тела если и не необратимы, то никак не могут сопровождаться мгновенной регенерацией. Но это относится только к изученным веществам и процессам – в данном же случае люди столкнулись с чем-то совершенно необычным. Саркофаг извлекли из склепа, загрузили в машину, доставили на вертолетную площадку, после чего переправили в Москву. В какое именно исследовательское учреждение, неизвестно. Ходили слухи, что гроб могли отвезти в Нидерланды, где были специальные лаборатории для изучения аномальных явлений – даже в те годы между секретными организациями существовали договоренности. Горные рабочие под присмотром чекистов в районе Ржавников продолжали работы по выемке грунта и удалению скальных пород. Аккуратно рыли галереи, простукивали толщи скал. И что интересно, обнаружили еще пару саркофагов. Что в них было, никому не показали – отправили в Москву. Вид мрамора, из которого были выполнены изделия, – тоже неизвестен науке. Большинство тех, кто обнаружил первый гроб, постигла незавидная участь. Ивана Караваева через неделю сбила машина при странных обстоятельствах – известно лишь, что он был на мотоцикле, изувеченное тело нашли в канаве. Умник, попробовавший мрамор на зубок, сошел с ума и вскоре насмерть замерз – хотя температура той осенью была умеренная. Рабочий, помогавший грузить саркофаг в вертолет, вскоре утонул по время купания. Умерли один за другим и те шестеро, что открывали саркофаг, – у одних отказало сердце, другие скончались в результате несчастных случаев. Убрали как нежелательных свидетелей? Мне кажется, глупо – все село пришлось бы ликвидировать. Работники советской госбезопасности – отнюдь не гуманисты, но люди были умные. Несколько сотрудников спецслужб, кстати, тоже умерли – проблемы с сердцем. Отсюда возникла легенда о проклятии Тагаринской принцессы.

– Как тут не вспомнить легенду о проклятии Тутанхамона, – пробормотал я.

– Вспомнить можно, но сравнивать не стоит, – возразил Сергей Борисович. – Да, после вскрытия гробницы Тутанхамона погибли несколько ученых. Кто-то сразу, другие прожили еще несколько десятилетий. Там все выяснили и доказали – это был мутировавший грибок, который постепенно наполнял легкие ядом. Здесь же, насколько известно, не было ядовитых спор. Грибок действует не сразу, ему нужно время, чтобы завладеть организмом. Высказывалась версия, что в саркофаге находилось сильнодействующее токсическое вещество, вызывающее сердечную недостаточность. Оно и вызвало безумство у умника, куснувшего мрамор, могло повлечь болезнь сердца. И у остальных – кто находился рядом с саркофагом. Стоявшие дальше и умерли позднее. Смерти только на первый взгляд выглядят загадочно. Ехал на мотоцикле, стало плохо – опомниться не успел, как угодил под колеса грузовика, водитель которого поспешил скрыться с места происшествия. Пошел купаться – в воде остановилось сердце, естественно, утонул. И так далее. В общем, в селе Ржавники и на прилегающей территории несколько месяцев действовал строгий карантин и велись работы. КГБ хранил тайну. Сколько артефактов вывезли – точно неизвестно. Их дальнейшая судьба – под покрывалом Изиды. Любую информацию по данной теме – засекретили. Если в этом деле есть доля истины – то открытие опровергает и теорию Дарвина, и кучу других устоявшихся теорий. Сейчас невозможно сказать, что происходило на самом деле, но что-то, безусловно, происходило. Не все очевидцы умерли. Большинство из них – сельские жители, вряд ли способные такое нафантазировать. Их свидетельства плюс-минус схожи. Другое дело, что история обрастает, как снежный ком, – неправдоподобными небылицами…

– Где фотографии гроба, фотографии принцессы? – спросил я. – Уровень техники вроде позволял. Ничего не просочилось?

– Вы мечтатель, Никита Андреевич, – усмехнулся Якушин. – Если КГБ что-то засекретил, то это наглухо. Все снимки, сделанные спецслужбами, под тем же покрывалом. А что касается простых граждан… Не думаю, что у этих мужиков были фотоаппараты даже дома – тем

более при себе в рабочее время. Если сразу доложили начальству, милиция выставила пост – о каких фотоснимках мы можем говорить? Кое-что, впрочем, есть, гм… – Сергей Борисович состроил загадочное лицо, – но об этом позднее. Не устали слушать?

– О нет, что вы, – сказал я, – очень интересно.

– Правда? – рассмеялся Якушин. – А у вас такое лицо, Никита Андреевич, словно вас так и подмывает сказать несколько слов от лица здравого смысла. Дело Марии Власовой ничему не научило?

– Простите, Сергей Борисович, – смутился я. – Мы говорим о равновеликих вещах?

– Как знать, – пожал плечами Якушин. – Характерно, что за последующие годы никакая информация по данной теме не просочилась. Значит, скрыли с умом. Теперь гуляют конспирологические теории, догадки, гипотезы – от которых спецслужбам ни холодно, ни жарко.

– Чудеса, – подала голос Варвара.

– Возможно, – согласился Якушин, – но чудеса особого рода. Странные, надо признаться, чудеса.

«Вот в чем дело, – сообразил я, – Сергея Борисовича не оставила равнодушным розовая водица, в которой тело просуществовало уйму эпох и сохранилось, как новенькое».

– А разве восемьсот миллионов лет назад на Земле не царствовал сплошной лед? – спросил я как бы между прочим.

– Скорее, сплошная слякоть, – улыбнулся Сергей Борисович. – Океан никогда не замерзал полностью, а резкие колебания климата были характерны и для тех времен. Да, от жары не страдали, но благодаря холоду обогащался кислородом верхний слой водной толщи, создавая условия для бактерий, перерабатывающих органику. Тем самым они поглощали кислород и выделяли углекислый газ. Последний попадал в атмосферу и создавал парниковый эффект. Если вы к тому, могли ли на планете жить люди, то, думаю, могли. Итак, возвращаемся к нашей теме. Работы под эгидой КГБ продолжались около двух месяцев – пока не началась осенняя слякоть. По-видимому, выбрали из захоронений все, что могли. Работали лучшие изыскатели, использовалась лучшая по тем временам аппаратура, в том числе импортная. Технику увезли, оцепление сняли, а население качественно запугали – впрочем, оно и без того было напугано чередой смертей. Люди старались не лезть не в свои дела. После перестройки история, понятно, всплыла, обрастая небылицами. Даже с местом действия творились чудеса – то это было на Урале в районе озера Чебаркуль, то в Кемеровской области. Масса глупостей, абсурдных моментов и тому подобного…

– И вся эта история со спящей принцессой, Сергей Борисович…

– Всего лишь прелюдия, – кивнул Якушин. – Я собираюсь предложить вам работу, и по этому поводу меня терзают резонные сомнения. Работа будет сложнее и рискованнее, чем с делом Марии Власовой. Разумеется, она будет достойно оплачена.

– Деньги – не главное для Никиты Андреевича, – ехидно заметила Варвара.

«Конечно, не главное, – подумал я. – Главное, чтобы были».

– Варвара Ильинична, постарайтесь без колких замечаний, – сделал внушение Якушин. – Деньги важны. Не хочу сказать, что они испортили Никиту Андреевича – напротив, они даются ему колоссальным трудом…

«Золотые слова, – подумал я, – и эти немереные деньжищи мы, конечно же, прогуляем с истинно русским размахом».

– В минувшую пятницу, примерно в шесть часов вечера, ко мне явился посетитель, – перешел к делу Якушин. – Мы беседовали в этой комнате. Я был занят, но он очень просил уделить ему несколько минут. В итоге мы проговорили два часа, после чего все пошло кувырком, и теперь я испытываю чувство вины… Но постараемся без лирики. Молодого человека зовут Василий Николаевич Злобин, он житель Красноярского края, ему примерно тридцать лет. Парень простоватый, но производит впечатление неглупого человека. Вот он – это скрин-

шот видеозаписи, висящей над крыльцом камеры. Парень долго колебался, прежде чем войти, нервно курил…

Работники службы безопасности не поленились сделать фото. Снимок получился удачным, с неплохим разрешением. Обычный парень, довольно высок, одет не от-кутюр. Он выдыхал дым, лицо получилось четким. Действительно, простоват, «легкая» щетина, мясистый нос, глаза с грустинкой. Волосы светло-русые, с пробором. Обычное лицо представителя российской глубинки.

– В принципе, этот парень мне понравился, – негромко излагал Якушин, – человек безвредный, на подлость не способен. Но если загнать в угол, может дать сдачи. До недавнего времени проживал в городе Ачинск Красноярского края. Имея диплом бакалавра по специальности инженер-механик, работал мастером в частной производственной фирме, занимающейся изготовлением литейных форм. Квартиру потерял, когда разводился с женой. Попал в нехорошую историю, связанную с играми в онлайн-казино, влез в долги, отдавал частями, с грабительскими процентами. Снимал маленькую комнату на окраине города, да и ту оплачивать оказалось нечем. Родители давно умерли – был пожар под Ачинском, сгорели вместе с собственным домом, сыну ничего не оставили, кроме смехотворного счета в Сбербанке. В фирме начались проблемы, задерживали зарплату, потом и вовсе перестали платить. В общем, наш Василий основательно приуныл. И вдруг – скажем так, печально-радостное событие – умирает дед Василия Федор Тимофеевич, проживавший в далекой красноярской глубинке. Последний родственник, с которым он изредка общался. Иногда дед делал вылазки в Ачинск, пару раз Василий приезжал к нему – пока не продал машину. Супруга Федора Тимофеевича скончалась лет пятнадцать назад, похоронена там же, на исторической родине. Получив известие от соседей, Василий собрался, поехал в глубинку, похоронил последнего родственника рядом с бабкой – выложив на это последние деньги. И в этот же день получил интересное известие: дед в наследство оставил ему дом…

– Позвольте догадаться, где эта улица, где этот дом… – пробормотал я.

– Совершенно верно, – кивнул Сергей Борисович, – Тагаринский район, село Ржавники, четвертый дом на восточной околице с южной стороны дороги. Строение номер восемь по улице Лесной – именно так обозначил свое приобретение Василий Злобин. Собственно, в селе только эта улица и осталась. Уже не село – деревня. Работы нет, церковь обвалилась, да и после событий полувековой давности народ из Ржавников стал разъезжаться, а новоселов почти не было…

– Но дед не уехал, – подметил я.

– И что за привычка постоянно перебивать, – вздохнула Варвара.

– Ничего, я начинаю уживаться с этой привычкой, – миролюбиво заметил Якушин. – Но все по порядку. Беседа с молодым человеком у нас была долгая, обстоятельная. Печальное событие произошло месяц назад. Пока оформлялись бумаги, проводились бюрократические процедуры – в общем, лишь неделю назад Василий вступил в полноправное владение участком. В городе никаких перспектив, к тому же вместе с домом Василий получил в наследство и сберкнижку деда, на которой лежали полтораста тысяч рублей, сэкономленные дедом с пенсий. Решил, что на первое время хватит, переехал в Ржавники – как он выразился, подумать о жизни и составить планы на будущее. Перед этим походил по жилищным конторам, где ясно дали понять, что продать дом не удастся даже за символическую сумму – никто в своем уме не поедет жить в такую даль. И в качестве летней дачки – удовольствие сомнительное. Участок большой, весь зарос бурьяном, есть баня, надворные постройки. Дом, как ни странно, добротный, вместительный, с прочным фундаментом. Дед ухаживал за жильем, оно не выглядит запущенным. В доме можно жить, но, увы, практически нереально от него избавиться…

– Так пусть живет, – пожал я плечами. – Найдет себе не очень пожилую колхозницу… Население там осталось?

– Население есть, – подтвердил Сергей Борисович. – Деревня растянута с востока на запад, там есть электричество, магазин, клуб, фельдшерский пункт, почта. По словам Василия, в Ржавниках сотни полторы населения и даже участковый… – Якушин улыбнулся, – который лишь недавно узнал, что он уже не милиция, а полиция… Утрирую, конечно, простите. Но население, сами понимаете, в основном пенсионеры. Рабочие места имеются только в сельсовете, на почте да в селе Кундус, что в трех верстах к западу от Ржавников… По словам Василия, в деревне атмосфера необычная… – Сергей Борисович как-то замялся.

Насторожилась Варвара.

– В каком это смысле?

– Даже не знаю, как объяснить… Василий это точно объяснить не смог, лишь поделился ощущениями. Чувство тревожности, что ли. Воздух необычный, не такой, как в других местах. Свежий, разумеется, с экологией там все в порядке, но все же… В общем, давит атмосферный столб, дискомфорт вызывает. Местным – нормально, другого и не знают, а вот приезжим – не по себе. Возможно, осталось излучение после тех событий, не знаю. Не стоит напрягаться, Никита Андреевич, это излучение не относится к радиоактивным. Люди живут там много лет, и после того как сняли ограничения полвека назад, повышенной смертности в районе не отмечено. Назовем это зоной с особой энергетикой. Итак, на чем мы остановились? В общем, жить Василию больше негде, и он переезжает в Ржавники. До райцентра от деревни трижды в неделю курсирует автобус, от райцентра в Красноярск – еще один. Можно через Томск – дело вкуса. Василий чистит от травы участок, пытается что-то сделать в доме, тянет новую проводку со счетчиком вместо изношенных. Сжигает старую мебель, которой невозможно пользоваться. Забирается на чердак – а там авгиевы конюшни. Старые газеты, книги, стопка «Кругозоров» за 70-е годы. Помните, был такой ежемесячный литературно-музыкальный журнал со вставленными в него гибкими пластинками? И именно на чердаке, разрывая старый хлам, Василий обнаружил письмо от деда, адресованное лично ему, единственному внуку. Чистый конверт, а на конверте – «Василию от деда Федора». У старика был обширный инфаркт, что неудивительно в восемьдесят шесть лет. По-видимому, были звоночки, понимал, к чему идет. Отдельно написал завещание, передал, кому следует, а отдельно – это послание. Облегчил душу, открыл Василию то, что держал в тайне почти полвека, – тем самым загрузив внука по самые уши…

– Предполагается, что у Федора Тимофеевича с ясностью ума перед смертью все было в порядке? – спросила Варвара.

– Да, конечно. Василий показал мне это письмо. Строчки немного гуляют, но почерк уверенный. Старик прекрасно понимал, что пишет. Оставим в покое лирику, прощальные слова, все прочее, не имеющее отношения к делу. Суть следующая. У деда имелась тайна, о которой знал только он. В шестьдесят девятом году Федору Тимофеевичу было тридцать восемь лет. Получил среднее техническое образование, в двадцать восемь женился, серьезно относился к жизни. Дом построил своими руками. Тогда это было нормальное село, где люди неплохо жили и работали. Он переехал в Ржавники в шестьдесят втором, сыну стукнуло три года, водили в местный детский сад, жена работала на почте. Сам каждый день ездил на работу в Кундус – трудился горным мастером на песчаном карьере. В семье имелся собственный газик – редкость по тем временам. В шестьдесят девятом сын уже учился в школе, жену назначили заведующей почтовым отделением. Под Ржавниками планировали строить каменный карьер. Даже мысль тешил – перевестись сюда, чтобы к дому поближе. Потом начались эти злосчастные события… Мне жаль, Никита Андреевич, но ваша «скептическая» версия не работает – события действительно имели место, чему Федор Тимофеевич, материалист до мозга костей, непосредственный очевидец. Умирали люди, которых он хорошо знал. По счастью, в день обнаружения первого саркофага его в селе не было. Но ходили слухи, люди перешептывались. Наивным человеком он не был, умел отличать досужие сплетни от реальных фактов. Федор Тимофеевич понимал, что скоро что-то начнется, и от греха подальше отправил семью в Ачинский

район, где жила его двоюродная сестра. Потом началось – войска, оцепление, спецслужбы, переписывающие всех жителей села… Покидать район людям запретили – кары за ослушание были серьезные. Конечно, он слышал про мраморный саркофаг, про девушку в гробу с голубыми глазами. При нем умирали его знакомые, и он участвовал в похоронах. В оцепленный квадрат согнали технику, специальные камнедробильные машины, бульдозеры, экскаваторы. На участке пятьсот на пятьсот метров к северо-востоку от села производились работы. Рыли штреки, галереи. Грунт и каменную породу извлекали осторожно, предварительно все простукивали, просвечивали. Федора Тимофеевича назначили мастером на этот «производственный участок». Пришли серьезные люди, сообщили новость: с постоянного места работы, по договоренности с руководством, его переводят на новый участок. Он же специалист по изыскательским работам? Вот и прекрасно. Работа ответственная, отнестись со всей серьезностью. Когда все закончится – вернется на свой карьер. Оклад на новом месте был такой, что дух захватило. Пришлось подписать кучу бумаг, выслушать уйму инструкций и наставлений. Работали весь световой день – под неусыпным оком автоматчиков и людей с красными книжицами КГБ. При нем в сокрытых под толщей камня склепах нашли еще два мраморных саркофага – один он видел издали, когда его грузили в военный грузовик. Федор Тимофеевич старался не ломать голову – да и правильно делал, так спокойнее. Но однажды заболел рабочий, пришлось самому взять в руки отбойный молоток, подвезти по подземному коридору компрессор. Участок считался практически законченным, остался небольшой кусок стены. Внезапно молоток провалился – за слоем камня была пустота. И камень, когда он очистил его веником, оказался фрагментом древней каменной кладки. Он сделал еще пару «перфораций», осторожно вынул булыжник. Просунул руку – точно пустота. И что-то необъяснимое навалилось из этой пустоты – макушка онемела, душа покатилась в пятки. Не сказать, что умер от страха, но точно испугался. Посмотрел по сторонам – никого. Ну, вышло так, все рабочие трудились на других участках. Просунул руку с фонарем, снова сунулся. И все, что до этого пережил, с утроенной силой навалилось! Компактный склеп, каменный пьедестал, маленький мраморный саркофаг на пьедестале – уменьшенная копия того, что он уже видел…

– Насколько маленький? – вырвалось из меня.

– Достаточный, чтобы упокоить маленького ребенка… – Сергей Борисович тоже разволновался, стал бледнеть. Развел руки, как рыбак, демонстрирующий размер пойманной рыбины. – Сантиметров семьдесят в длину, сорок в ширину… Тот же мрамор, такие же затейливые узоры, крышка, обмазанная раствором в месте стыка с саркофагом… Федор Тимофеевич сам не мог понять, что на него нашло. Словно подсказки получал со стороны. Поднял, поднатужившись, камень, вставил на место. Замазал все стыки грязью, которой под ногами было вдоволь. Трясся от страха, пытался разобраться сам с собой – что с ним происходило? Насилу успокоился, ни кураторам, ни коллегам ничего не сказал. Покатил компрессор дальше – в соседнюю галерею, притворился, что разболелась голова. Впоследствии порывался сообщить органам о находке, но так и не сделал этого. Как принимал решение – сразу страх охватывал. И чем больше проходило времени, тем иллюзорнее становилась перспектива облегчить свои моральные страдания. Ну, расскажет чекистам, покается – все равно получит срок за попытку сокрытия. Волновался, молился, чтобы пронесло. И все, как ни странно, обошлось. Работы переместились на другой участок. Больше находок не было. Через месяц руководство на Лубянке проект закрыло. Работы прекратились, технику увезли, оцепление сняли. Никакие «сталкеры» по участку, конечно, не бродили – людей запугали, наврали, что местность продолжает охраняться. Но Федор Тимофеевич был в курсе, знал, что объект опустел полностью. Душа томилась, снова сдавали нервы. И однажды он не выдержал, составил план и начал действовать. Никого, конечно, не посвящал. Была слякотная осень. За два часа до рассвета, когда минимален риск наткнуться на бодрствующего человека, он направился к заброшенному карьеру. Машину решил не брать – триста метров ходу. Спустился в галерею, прихватив

с собой лом и разбитую тележку, оставленную рабочими. Разобрал часть стены, с помощью лома отодрал саркофаг от пьедестала. Как грузил на тележку, стараясь не кренить, отдельная грустная песня. Но думал, будет хуже. Видимо, стенки у «ларца» оказались не такими толстыми, как у других. Справился, приделав к тележке что-то вроде пандуса из досок. Катил до дома со всеми мерами предосторожности, укрыв брезентом. Заготовил версию на случай нежданной встречи. Но обошлось, закатил на участок, заперся. Передохнул, махнул стаканчик беленькой, чтобы лихорадку унять. Втащил в дом и стал осматривать находку. Имелось желание снять крышку, но, вспомнив, что случилось с его предшественниками, – не стал. Продать в то время – невозможно. Использовать себе во благо – как? Хорошо, что жив остался и не узнал никто. И решил Федор Тимофеевич не искушать судьбу. В голове техническое образование, придумал простейшую лебедку, как опустить саркофаг в подпол. Сам туда спустился, углубился лопатой и кайлом в земляную стену, соорудил нишу, куда и задвинул опасную штуку. Снова завалил землей, все выровнял, укрепил, а к стене придвинул металлический стеллаж, на котором супруга хранила банки с соленьями. Махнул беленькую, спать пошел. На следующий день отправился на машине в Ачинский район, привез супругу с сынком Николаем – будущим папой нашего Василия…

Якушин замолчал. Мы слушали, невольно заинтригованные.

– На этом первая часть истории завершается. Федор Тимофеевич оказался благоразумным человеком. Глупость сделал – и ума хватило все не усложнять. Жене ничего не сказал, подросшему сыну – тоже. Так и прожили остаток жизни в Ржавниках. Продолжали работать, рос ребенок. Николай возмужал, уехал в город, отслужил армию, получил какое-то образование. Потом женился, родил Василия… Старики доживали в Ржавниках. Скончалась супруга – Федор Тимофеевич похоронил ее на сельском кладбище. Потом у самого начались проблемы со здоровьем. Николай с женой погибли, остался непутевый внук, которого Федор Тимофеевич очень любил, хотя и встречаться доводилось нечасто…

– А вам не кажется, что своим поступком он подставил Василия? – осторожно спросила Варвара. – Зачем он раскрыл в письме свою тайну?

– Слишком долго он ее носил в себе, жил с ней, терзался. Почти всю жизнь скрывал – а ради чего? Времена изменились, старик наивно верил, что на этой штуке, если воспользоваться ей с умом, можно заработать и славу, и состояние – независимо от того, что внутри. Он верил в благоразумие внука.

– Ну, и как, оправдалось? – спросила Варвара.

– Как знать, – пожал плечами Якушин.

– Минуточку, – сказал я. – Если память не подводит, все, что находится в недрах земли – любой артефакт, клад, зарытый чемодан с миллионом монгольских тенге, – принадлежит государству, и никак иначе.

– И всякому нашедшему по закону полагаются двадцать пять процентов от суммы клада, – напомнил Якушин. – И даже эти проценты порой могут быть умопомрачительной суммой. Василий, к его чести, не стал пороть горячку. Спустился в подпол, отодвинул стеллаж, несколько часов расковыривал земляную стену. Можете представить, как там за десятилетия все ссохлось и спрессовалось. «Сундучок» оброс землей и плесенью – но вытащил, очистил. Возможно, он что-то слышал об истории шестьдесят девятого года, еще и дед в своем письме дополнительно просветил. Суть в том, что Василий вскрывать свою находку не стал.

– Гениально, – выдохнул я. – Нет, правда…

– Он парень неглупый, – пожал плечами Якушин. – И по крупному счету, Василию безразлично, что внутри. Единственное, что он хочет, – это поправить свое финансовое положение. Проще говоря, обменять саркофаг на деньги. А кто купит – Василию до лампочки. Лишь бы не отняли и не убили. Первым делом он оттер грязь с саркофага, почистил тряпочкой с зубной пастой – для придания товарного вида, так сказать. Помните, как в армии бархоткой с

зубной пастой драили пряжки на ремнях, отчего они сияли? Потом заснял саркофаг со всех возможных ракурсов…

– Значит, с документальными свидетельствами у вас все в порядке? – тактично предположил я.

Сергей Борисович «разбудил» компьютер, пощелкал по клавишам и повернул к нам с Варварой монитор. Мы невольно вытянули шеи. Запершило что-то в горле. Василий, конечно, постарался. Снимал со вспышкой – среди земляных стен, каких-то бочек, досок, скособоченных стеллажей. Но сам объект фотоохоты… Саркофаг был маленький, действительно сантиметров семьдесят. Но смотрелся монументально. Утолщенное подножие с изразцами, в верхней части что-то вроде узорчатого карниза, в пазах которого лежала крышка с затейливым барельефом. Стенки саркофага не были гладкими. Продольные выступы, выпуклые узоры в рамках – не люди, не животные, не банальные узоры с цветами, а поди пойми, что. Сложное плетение из невразумительных фигур и форм – ничего подобного в нашем мире я еще не видел, ни в одной культуре. Изделие не было монохромным – в мраморе имелись синие вкрапления, темно-серые, светло-серые, почти белые – и все это каким-то удивительным образом сочеталось.

– То есть Василий любезно предоставил вам снимки… – Пришлось откашляться, чтобы выдавить что-то внятное.

– Именно так, – согласился Якушин.

– Почему он пришел к вам, Сергей Борисович? С каких это пор вы представляете государство?

– Я не представляю государство, – поморщился Сергей Борисович, – и всегда, когда есть возможность, стараюсь держаться от него подальше. Наш Василий не глупец, у него есть природная смекалка, но во многих вопросах он полный профан. У Василия возникла идея сбыть саркофаг, самому при этом заработать и не причинить себе вреда, поскольку ясно, что штука спорная. До Красноярска или Томска ближе, но он выбрал Новосибирск – город крупнее, больше возможностей, и он неоднократно здесь бывал. А пару лет назад даже хоронил в нашем крематории своего армейского друга и посещал музей погребальной культуры. Но сперва он об этом и не думал. Вечером в четверг добрался автобусами до Красноярска, сел в поезд, утром сошел на перроне в нашем городе. Где его носило, сам плохо помнит. Зашел в банк «Транс-Кредит» – у него большое и красивое здание на Красном проспекте. А также серьезная доля государственного участия. Попал на прием к заместителю председателя правления банка – непонятно как, но Василию это удалось. Показал человеку фотографии, объяснил, что хочет сдать «клад» государству и получить свои законные двадцать пять процентов. Ну, не придумал Василий ничего оригинального. Собеседник был не в настроении. Даже вникать в эти «постановочные» кадры не стал, покрутил пальцем у виска и показал на дверь. Василий расстроился, бродил в растрепанных чувствах по Первомайскому скверу, потом вспомнил про крематорий, про музей погребальной культуры, отправился искать такси…

– Он посчитал, что эту штуку вы приобретете в качестве артефакта для музея? – поежилась Варвара.

– А что, вполне уместно, – хмыкнул Якушин. – В некотором роде гроб, и даже не имитация. Василий, в принципе, помнил про государство, про обязанность сдавать подобные находки, все такое… Но опять же растрепанные чувства, досада, что зря проехал такое расстояние… Я отложил все дела, и мы с ним долго беседовали. Он поверил, что я не злодей, не грабитель… – В глазах Сергея Борисовича блеснула очередная загадка – впрочем, погасла. – Я объяснил товарищу, что музею, конечно, требуются новые экспонаты, и мы охотно бы приобрели артефакт, кабы не одна загвоздка…

– Давайте начистоту, Сергей Борисович, – сказал я. – Что, по-вашему, находится внутри саркофага?

Он как-то странно меня разглядывал – словно еще не понял, что я из себя представляю.

– Если принять по умолчанию, что во всех саркофагах нечто тождественное… то зачем вы об этом спрашиваете? Поверьте наконец, здесь нет маразматиков и мракобесов, мир гораздо шире и многообразнее, чем вы думаете. И не все устоявшиеся и общепринятые теории этого мира являются безоговорочной истиной. Просто люди однажды договорились считать их истинными – что, понятно, не делает их таковыми. Сколько событий, непривычных для вашего менталитета, еще должно произойти, чтобы сознание сдвинулось с мертвой точки?

– Хорошо, я постараюсь быть серьезным, – сказал я. – Мы имеем дело с теорией, согласно которой на планете задолго до эры динозавров существовала высокоразвитая человеческая цивилизация. Это были не инопланетяне, а именно те, кто через сотни миллионов лет заселят Землю…

– Можно подумать, это мешает им быть инопланетянами, – фыркнула Варвара. – Мы все потомки инопланетян – когда же ты научишься понимать элементарные вещи…

– Простите, оплошал, Варвара Ильинична, – извинился я. – В вас действительно есть что-то нездешнее…

– Так, брейк, – среагировал Якушин, – все разбирательства – на улице.

– Спасибо, Сергей Борисович, – сказал я. – Предполагается, что под Ржавниками Красноярского края – видимо, больше оказалось негде – представители данной цивилизации похоронили одну из сановитых семей, включая ребенка. Цивилизация достигла высот. Бальзамический раствор, в котором миллионы лет не разлагаются тела и выглядят так, словно еще живы и в ус не дуют… Мы тоже не в пещерном веке, однако признайтесь, Сергей Борисович, через сколько столетий наша наука додумается до таких вещей?

И снова что-то заблестело в его глазах. Я не ошибался. Артефакт полагается сдать государству (читай, спецслужбам), да и бог с ним. Но что мешает повременить со сдачей? Позаимствовать раствор, провести анализ, понять, из чего он состоит? Таблица Менделеева неизменна – миллиард лет назад природа состояла из тех же периодических элементов! А то, что при вскрытии можно нахвататься токсических веществ, – тоже не проблема. Предупрежден – значит, вооружен.

– Вы молчите – значит, не скоро, – резюмировал я. – Если подытожить, вы считаете, что в саркофаге плавает тело маленького ребенка, который выглядит, как живой, и разве что не улыбается.

– Там может плавать все, что угодно, – отрезал Якушин. – Или вообще ничего. Мы не умеем проницать через стены – тем более по фото. Есть интуиция, есть вероятность, есть анализ на основании известных фактов и гипотез. Я уверил Василия Злобина, что ему нет смысла обращаться куда-то еще, и в качестве подтверждения своих намерений выплатил аванс, которым Василий остался доволен. Я решил, что неразумно отправлять его обратно в тайгу, попросил задержаться. Он ночевал в служебной гостинице в поселке Восход под охраной работников нашей службы безопасности…

– Вы считали, что Василию угрожала опасность? – снова перебил я. – На основании чего, позвольте спросить? Он засветился только в банке «Транс-Кредит», но сами говорите, ему указали на дверь…

Якушин тяжело вздохнул, но разжевывать «элементарные вещи» не стал.

– Он предъявлял в этом банке свои паспортные данные, номер телефона или что-то в этом роде?

– Вы мыслите резонно, Никита Андреевич. Но немного не в том направлении. По словам Василия, никаких своих данных он не предъявлял. Потом, впрочем, вспомнил, оговорился – машинально представился, войдя в кабинет: «Моя фамилия Злобин, проживаю в Красноярском крае».

– Где он сейчас?

– Слушайте по порядку. Мы договорились с Василием, что в обстановке строгой конфиденциальности привозим артефакт в музей, осматриваем его и производим окончательный расчет. Проблема передачи ценного предмета государству – это моя проблема. Василий согласился скоротать время в гостинице. Я позвонил Анфисе Павловне Зелинской, это моя сотрудница, ей тридцать девять лет, окончила Санкт-Петербургский государственный университет, работала в нем на кафедре археологии, потом переехала в Новосибирск, трудилась в институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Выполняет определенные работы для нашего музея… Когда я предложил ей поучаствовать в этом проекте, она охотно согласилась. Анфиса Павловна полностью в курсе. Варвара Ильинична знает эту женщину. – Якушин кивком апеллировал к Варваре. Та кивнула. – Кстати, женщина физически развитая, занимается альпинизмом, дважды в год посещает горнолыжные курорты Шерегеша.

– И в данный момент, к сожалению, не замужем, – вздохнула Варвара. – Хотя совсем недавно – была. И в обозримом будущем – снова будет.

– Я связался с Борисом Аркадьевичем Малыгиным – директором частного охранного предприятия «Сибирский Бастион», с его конторой у нас давние устойчивые связи. Обрисовал просьбу – не акцентируя подробности. Борис Аркадьевич выделил бронированный закрытый пикап фирмы «Форд» – внешне особо не примечательный, и трех проверенных сотрудников. Их фамилии Вебер, Березин и Кашин. Малыгин составил договор. Обычно мы не принимаем таких мер предосторожности, когда доставляем в музей артефакты, но сами понимаете – предмет такой, что лучше лишний раз перестраховаться. Маршрут движения оговорили. По задумке эти люди, плюс Василий Злобин, должны были прибыть в Ржавники, забрать артефакт и вернуться обратно. Мы договорились с Анфисой Павловной постоянно поддерживать связь. А люди Малыгина должны были контактировать со своим начальством. От маршрута не отклоняться, следить за обстановкой, на провокации не реагировать…

– На какие провокации? – встрепенулся я.

– На любые, – отрезал Сергей Борисович.

– Позвольте еще вопрос. – Под ложечкой неприятно засосало. – Эти люди вооружены?

– Да, и у них есть соответствующее разрешение. «Сибирский Бастион» – серьезная организация, к ее услугам прибегают даже государственные органы. Группа выехала из города на рассвете в субботу. Ей предстояло одолеть порядка шестисот километров – по возможности избегая федеральных трасс. Мимо станции Тайга, огибая Томск – на Максимкин Яр, а далее – через административную границу Красноярского края. Подъехать к Ржавникам – с запада, через село Кундус. По мере движения Анфиса Павловна несколько раз выходила на связь, жаловалась на качество дорог, сетовала, что поездка отнимает больше времени, чем планировалось. Обстановка была спокойная. В десять вечера они проехали Кундус, в десять пятнадцать были в Ржавниках. Сотовая связь в районе отсутствует, но об этом мы позаботились – общались по спутниковым телефонам. Словно хирургическую операцию проводили в режиме реального времени, – Сергей Борисович невесело усмехнулся, – «Деревенька глухая, людей не видно, все спят уже… Воздух здесь какой-то странный, густой, много запахов… Вот входим во двор… Березин осматривает надворные постройки… Входим внутрь… Кашин проверяет периметр здания, Вебер открывает крышку подпола, мы спускаемся вниз, включили фонари…»

Варвара слушала Сергея Борисовича с открытым ртом. Триллер удался, и что-то подсказывало, что на счастливый конец рассчитывать не приходится.

– Потом минут на пять она отключилась, снова вышла на связь, были помехи – что неудивительно в глубоком подвале. У Анфисы Павловны подрагивал голос – но это было приятное возбуждение: они находились рядом с саркофагом.

«Это что-то удивительное, крайне необычное, я никогда в жизни ничего подобного не видела, – говорила Зелинская, – как жаль, Сергей Борисович, что я не могу отправить вам фото… но вы уже видели эту штуку на фотографиях Василия».

Им предстояло поднять саркофаг на поверхность, чтобы погрузить в машину – именно этим они и собирались заняться. Думаю, четверо крепких мужчин, включая Василия, легко бы справились. Анфиса Павловна отключилась.

Я ждал минут пятнадцать, решил позвонить. Вряд ли она участвовала в переноске тяжестей, без нее хватало «грузчиков». Зелинская не отвечала. Я перезвонил через пять минут – теперь ее телефон был выключен. Я начал волноваться, регулярно каждые десять минут пытался с ней связаться. Время было позднее, но я позвонил Малыгину, чтобы он связался со своими людьми. У Бориса Аркадьевича тоже не вышло. Мы ждали до утра понедельника, почти не спали. Никто на связь не выходил, телефоны заблокированы. Я дал ему совет не пороть горячку и не предпринимать необдуманных действий…

От Василия тоже никаких вестей. Пять человек, отправленных в командировку, просто пропали – именно в тот момент, когда, предположительно, загружали саркофаг в пикап…

– Давайте уточним время, – предложил я.

– Около одиннадцати вечера – плюс-минус. Уже стемнело. Там тот же часовой пояс…

– Как насчет полиции, Сергей Борисович? – вкрадчиво спросил я. – Понимаю, не самое удачное предложение, но ничего лучшего пока не придумали.

– Да бог с вами, – поморщился Якушин. – Полицию привлекать не надо. По крайней мере, до тех пор, пока не появится хоть какая-то ясность.

Я пожалел, что спросил. Мог бы и сам догадаться. Слишком деликатная тема. Государство нужно было информировать СРАЗУ, либо не информировать вовсе. Сергей Борисович допустил ошибку, решив, что принял все меры предосторожности. И теперь переживал, что невольно подставил людей. Он еще надеялся, что все обойдется, люди живы, а причины, по которым они молчат, лежат не в самой печальной плоскости. Он словно прочитал мои мысли, как-то оживился:

– Я пока не склонен предполагать худшее, Никита Андреевич. Что-то произошло – это очевидно. Даже будь проблемы со связью или что-то в этом роде, Анфиса Павловна нашла бы способ со мной связаться. Их могли временно вывести из строя, могли отнять телефоны и изолировать… По крайней мере, я очень на это надеюсь.

– Что, по-вашему, произошло? Только будем реалистами, Сергей Борисович. Саркофаг закрыт – окружающие люди в безопасности. Если снимут крышку, или уронят, разобьют во время переноски… драматические события произойдут не сразу, и ничто не мешает Анфисе Павловне позвонить. Вскрывать без вашей санкции они не будут – это понятно. Даже люди из ЧОП на это не пойдут, они дорожат своей работой и действуют по инструкциям.

– Можно допустить временное помешательство, – подала голос Варвара, – И тогда от драматических события до трагических – один шаг…

– Давайте не будем такое допускать, – поморщился я. – Проклятие мертвого младенца, все такое?

– Конечно, не будем, – отмахнулся от Варвары Сергей Борисович. – Все гораздо прозаичнее. На людей напали. Кто-то следил за ними, позволил вынести саркофаг, возможно, погрузить на машину… Я очень прошу вас, Никита Андреевич, посетить Тагаринский район и без шума выяснить, что произошло и где наши люди. Если при этом прояснится судьба артефакта, тоже неплохо.

Он был прав. Шумные экспедиции, да еще с привлечением силовиков, пользы бы не принесли. Действовать надо тихо. Случиться могло всякое. Молчание командированных еще не означает самого худшего.

– Время затягивать нельзя, – наставлял Сергей Борисович. – Вы сможете выехать через два, максимум через три часа? К ночи будете в Ржавниках, дальше действуйте по усмотрению, я в вашу работу вмешиваться не хочу. Для связи получите спутниковый телефон. Все необходимое возьмите с собой.

– Самое необходимое – это я, – проворчала Варвара.

Видимо, я резко дернулся – подлетела и гавкнула собака. Сергей Борисович повернулся, устремил на ротвейлера тяжелый взгляд. Собака засмущалась, махнула обрубком хвоста и снова улеглась, отвернув морду.

– Варвара Ильинична, вы что-то сказали? – спросил я.

– Что слышали, – буркнула Варвара. – Сергей Борисович, скажите ему. Он реально собирается ехать один? Это глупость высшего разряда. Он сразу привлечет внимание. А сколько глупостей он наделает в одиночку? Мы можем прикинуться семейной парой – приехали снять домик и пожить в уединении в сельской глубинке. Создадим соответствующий вид, и все будет естественно. Да, я очень зла на него – за проявленное свинство и все такое, и не скажу, что мечтаю находиться в его компании. Но зачем гробить наше дело, не успев его начать?

– О, боги… – Сергей Борисович сжал ладонями виски и скорбно уставился в пространство. – Я, право, не знаю, молодые люди, боюсь, что в этой ситуации затрудняюсь принять правильное решение. Пропали пятеро, и я не хочу, чтобы пропали еще двое… С другой стороны, Варвара Ильинична в чем-то права, она умна, проницательна, и ее способности могут помочь в трудную минуту. Вы хорошо сработались, когда расследовали дело Кротова и Марии Власовой – вы просто идеально дополняли друг друга. Что мешает вам сработаться и здесь? Не думаю, что вы подвергаетесь смертельному риску – и то, что пропали Зелинская с людьми Малыгина, выглядит очень странно. Люди, которые могут являться нашими конкурентами, действуют деликатно, на крайние меры идут только в крайнем случае…

А вот это было что-то новенькое. И даже для Варвары. В служебном помещении стояла гнетущая тишина. Молчали собака и Варвара. Сергей Борисович взял смартфон, что-то проверил, с недовольным видом положил обратно. Спутниковый телефон марки IRIDIUM, напоминающий старые сотовые аппараты с неудобной антенной, лежал на соседней тумбе – дисплей был затемнен и ни разу по ходу беседы не оживал. Мы находились в какой-то барокамере. Звуки из внешнего мира поступали в глухом и урезанном виде. По музею погребальной культуры бродили посетители, на улице у здания крематория просигналил автобус.

– Возникает еще одна деликатная тема, которую в сложившейся ситуации на кривой козе не объехать, – негромко сообщил Сергей Борисович. – Постарайтесь отнестись серьезно к тому, что я сейчас скажу. Это не безумие и не паранойя, уверяю вас. И писатель Дэн Браун со своими выкрутасами рядом не проходил. Существует некая международная структура, отделения которой находятся в разных странах мира, а представители есть даже в Сибири. Они ассимилированы с обществом, являются его частью. Это могут быть чиновники, банкиры, сотрудники правоохранительных органов – да, собственно, кто угодно. Когда поступают приказы – они выполняют свою «левую» работу. Присутствие этой структуры я ощущаю на своем учреждении, куда поступают очень любопытные артефакты и реликвии. Даже с некоторыми из этих людей… Впрочем, это лишнее, – опомнился Сергей Борисович. – Никаких имен, организаций, территориальных привязок; упомянем лишь, что это спецслужба организации, имеющей отношение к одной из ветвей популярной религии, гм… – Сергей Борисович откашлялся. Преследовало ощущение, что он находится не в своей тарелке. – Иногда работают непосредственно сотрудники этой структуры, иногда они привлекают людей со стороны – разумеется, за плату, не раскрывая себя. Организация старается действовать незаметно, в природе ее как бы не существует…

– Запрещена в России? – неуклюже пошутил я.

– С чего бы? – пожал плечами Якушин. – Организации не существует, зачем ее запрещать? Для простого обывателя она не представляет опасности, но вот касательно той ситуации, в которой оказались мы…

– Так, может, не стоит бередить лихо? – мягко поинтересовался я. Не знаю, как Варваре, а мне вдруг стало неуютно, заскребли под черепом недобрые предчувствия.

– Возможно, не стоило, – сокрушенно вздохнул Якушин. – Но мы уже шагнули в это болото, так что придется выпутываться. Не уверен, что мы имеем дело именно с этой структурой, но вероятность высока.

– Что они хотят?

– Эта фирма существовала всегда, с незапамятных времен, – начал ликбез Якушин. – Но тогда и цели отличались, и методы были другие. Существует устойчивый сложившийся мир, о котором мы все знаем и незыблемость которого, по сути, не оспариваем. И картина этого мира обязана оставаться неизменной. Все погрешности от него – в пределах допуска, как говорят инженеры. Три закона Ньютона, законы термодинамики, Архимеда, Пифагора, свободного падения и так далее. Законы анатомии, химии, биологии, общественного развития, законы Вселенной, в конце концов, каковыми их видит современная наука. Незыблемость библейских канонов – насколько бы сомнительными ни казались общепринятые постулаты и даже место развития тех самых событий: пресловутая Святая земля в Палестине. Никаких инопланетян, параллельных миров, отступлений от догматов и общеустановленных теорий. Теория Дарвина, теория относительности Эйнштейна – это принято. Цель организации – по возможности притормаживать научно-технический прогресс и ограничивать знания человечества о вещах, которые не вписываются в устоявшуюся систему мироздания.

«Понятно, – подумал я, – ликвидация проблесков знаний у населения».

– То, что произошло в шестьдесят девятом году, – выдумки журналистов, досужие теории, обожаемая некоторыми кругами конспирология – диванные тайны, никакого вреда. То, с чем мы столкнулись по милости красноярского паренька Васи Злобина, – уже серьезная опасность, дерзкий вызов и неприемлемая вещь для означенной структуры. Это в корне меняет представление о древнем мире, согласитесь?

– Согласен, – кивнул я. – При условии, что в этом есть хоть один процент истины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.